

Ю. Е. Березкин

**ДВЕ ГРУППЫ ИНОПЛЕМЕННИКОВ
НА ИЗОБРАЖЕНИЯХ МОЧИКА (ПЕРУ)**

В те годы, когда испанские конкистадоры вступили на землю Перу, вся страна была объединена под властью инков. На обширной территории получили распространение язык руна-сими, сходные политические институты и элементы материальной культуры. Разумеется, различные народы и племена еще во многом сохраняли свои этнические особенности, но процесс их стирания шел полным ходом. А всего столетием раньше в Центральном Андах господствовала политическая раздробленность, культурное своеобразие отдельных районов было значительно большим. Особенно же резко различия между локальными перуанскими культурами выступали в начале нашей эры. Развивавшиеся в I—V вв. н. э. цивилизации существовали весьма обособленно, были отделены друг от друга обширными районами, занятыми более отсталыми племенами.

Одной из наиболее развитых культур этой эпохи в истории древнего Перу является мочика¹. Ее центр находился на северном побережье Перу, в районе современного г. Трухильо (рис. 1). В истории мочика выделяют пять периодов (см. рис. 2). Переломным временем, в течение которого произошли решающие сдвиги в развитии производительных сил, в социальной организации, является период III (III—IV вв. н. э.). По-видимому, именно тогда в долинах северного побережья прокладываются магистральные оросительные каналы, медь начинает использоваться не только для мелких поделок, но и для изготовления оружия и орудий труда, строятся грандиозные монументальные сооружения из сырцового кирпича. Не позже начала периода IV (IV—V вв.) у мочика складываются крупные политические объединения. Тогда же или чуть раньше, с конца периода II, разворачивается территориальная экспансия мочика, приведшая к покорению иноплеменных жителей соседних, более южных долин.

¹ О культуре мочика из наиболее доступных советскому читателю работ см.: В. А. Башилов. Древние цивилизации Перу и Боливии. М., 1972, с. 117—123, 182, 195; Ю. Е. Березкин. Мифология мочика (Перу).— «Сов. археология», 1972, № 4; «Золото доколумбовой Америки. Каталог выставки». М., 1976, с. 8—10, 65—74; Р. В. Кинжалов. День в столице древних мочика.— «Сов. этнография», 1967, № 6; E. P. Benson. The Mochica. A culture of Peru. London, 1972; C. B. Donnan. Moche occupation of the Santa Valley, Peru.— «University of California Publications in Anthropology», v. 8. Berkeley—Los Angeles, 1973; R. Larco Hoyle. A cultural sequence for the North Coast of Peru.— «Smithsonian Institution. Bureau of American Ethnology», Bull. 143. «Handbook of South American Indians», v. 2. Washington, 1946, p. 161—175; W. D. Strong, C. Evans. Cultural stratigraphy of the Viru Valley, Northern Peru. The Formative and Florescent Epochs.— «Columbia Studies in Archaeology and Ethnology», v. IV. N. Y., 1952, p. 129—203, 216—250.

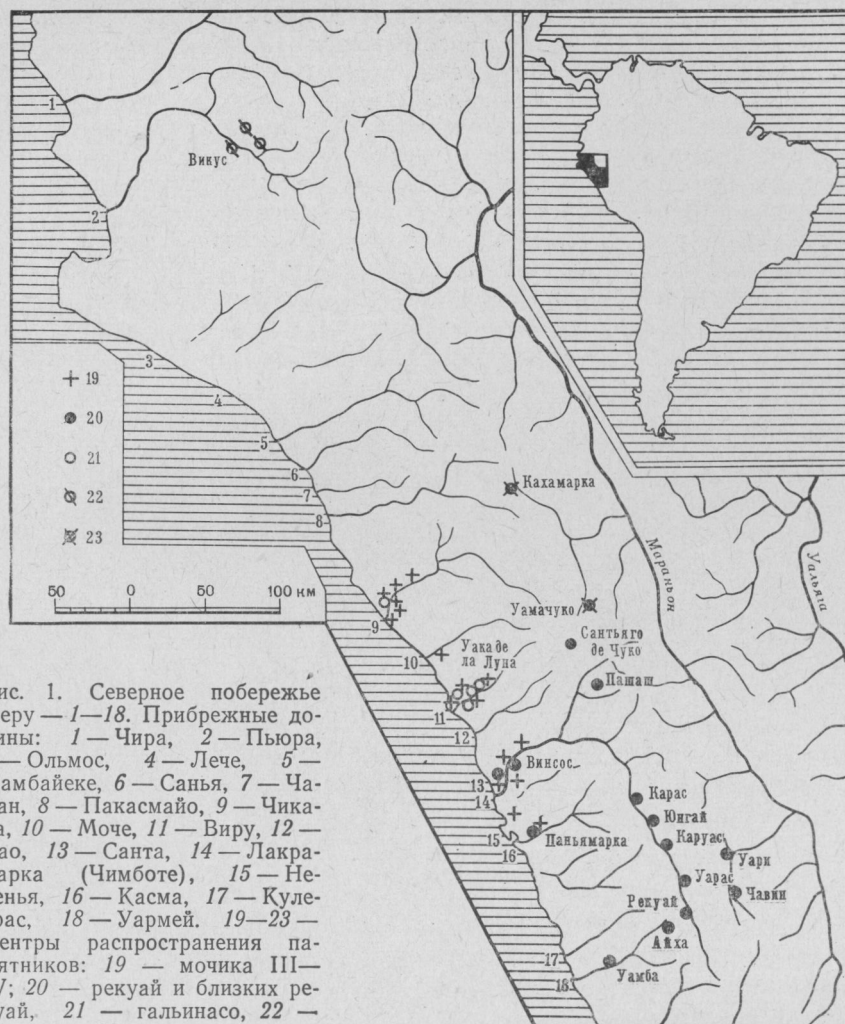

Рис. 1. Северное побережье Перу — 1—18. Прибрежные долины: 1—Чири, 2—Пьюра, 3—Ольмос, 4—Лече, 5—Ламбайеке, 6—Санья, 7—Чаман, 8—Пакасмайю, 9—Чикана, 10—Моче, 11—Виру, 12—Чао, 13—Санта, 14—Лакрамарка (Чимботе), 15—Непенья, 16—Касма, 17—Кулебрас, 18—Уармей. 19—23 — Центры распространения памятников: 19 — мочика III—IV; 20 — рекуай и близких рекуай, 21 — гальинасо, 22 — викус, 23 — кахамарка

	Пьюра	Ламбайеке Пакасмайю	Моче- чикама	Виру	Санта	Кальетон де Уайлас	Непенья
800		?					
500	Викус	Мочика IV	V	Мочика IV	Мочика IV ?	Рекуай	Мочика IV
			IV	Мочика III	Мочика III		Рекуай ?
			III	Мочика II	Мочика II		
			II	Гальинасо II	Мочика I		
			I	Гальинасо I			
Н.Э.	Мочика I	?	Гальинасо	Мочика I	Рекуай		
до Н.Э.	?		?				

Рис. 2. Хронология культур, упоминаемых в тексте. Временное положение рекуай и гальинасо в Санте и Непенья, а также начальные даты всех культур весьма предположительны

О взаимоотношениях мочика с соседями, как и вообще об этнической истории доколумбового Перу, известно мало. Одним из главных источников для изучения этой проблемы служат вазовые росписи и другие изображения мочика. Эти изображения делятся на две большие группы: сцены из повседневной жизни и иллюстрации к мифам. В обоих случаях при тщательном анализе можно выделить фигуры людей иной, нежели мочика, этнической принадлежности, либо фигуры божеств с атрибутами иноплеменников. Особенно благоприятны для изучения изображения на сосудах эпохи расцвета мочика, периода IV, отличающиеся ясностью, богатством деталей и, кроме того, наиболее многочисленные. Они, а также стенные росписи рубежа периодов IV и V и рассматриваются в данной статье.

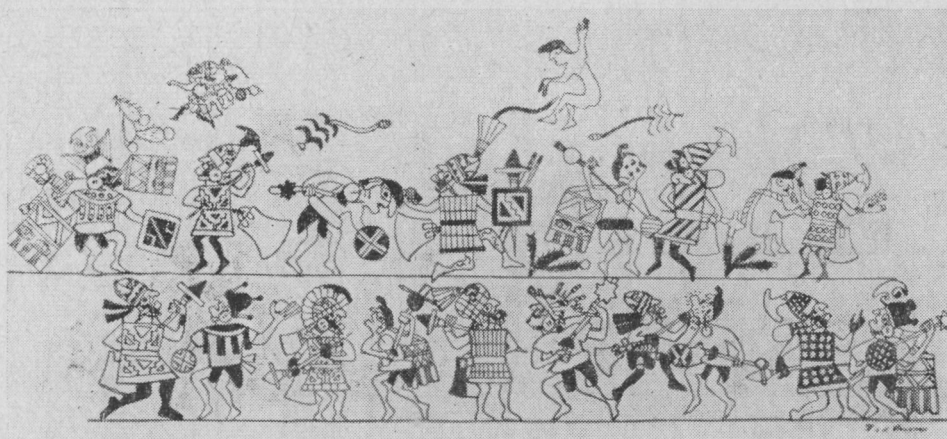

Рис. 3. Битва мочика с иноплеменниками первой группы, роспись на сосуде из Моче (по Кучеру)

Изображения воинов (одиночные фигуры и группы сражающихся) входили в число излюбленных мотивов искусства мочика. Среди множества вазовых росписей и рельефов, запечатлевших борьбу мочикских воинов друг с другом, есть большая композиция, на которой показана битва с иноплеменниками (рис. 3). Г. Д. Диссельхофф и Г. Кучер, обратившие внимание на эту сцену², в качестве отличительных признаков врагов мочика отмечают наличие у них особых щитов с прикрепленными к ним головами-трофеями; головные уборы, с прикрепленными к ним отрубленными человеческими руками; более частое, чем у мочика, употребление ушных подвесок (а не вставок в мочку уха); особенности в прическе и в раскраске лица; короткие рубашки с короткими рукавами (у мочика рубашки без рукавов); палицы с круглым или с зубчатым навершием (круглое навершие, вероятно, представляло собой камень с отверстием). Щиты с трофеями подвешивались к шее, а веревку от них воин иногда держал в зубах. К этим признакам можно добавить употребление неизвестных или редко встречающихся у мочика шлемов и особой формы шишаков, и нехарактерную для мочика орнаментацию щитов, наконец, общий облик иноплеменников. Все они, несмотря на пышные головные уборы, полуодеты: четверо в одних набедренных повязках и четверо в повязках и рубашках, причем рубашки не орнаментированы. У трех воинов поверх рубашки оплечье с фестонами. Один из иноплеменников держит в руке не палицу и даже не пращу (которую

² H. D. Disselhoff. Hand- und Kopftrophäen in plastischen Darstellungen der Recuay-Keramik.— «Baessler-Archiv», N. F., B. IV, H. 1, Berlin, 1956, S. 25—33; G. Kutscher. Nordperuanische Keramik. Figürliche verzierte Gefäße der Früh-Chimu.— «Monumenta americana», B. 1. Berlin, 1954, S. 20.

мочика в ближнем бою тоже не употребляли), а простой булыжник. Палицы иноплеменников, помимо формы наконечников, отличаются от мочикских наличием украшений на рукоятке, вероятно, представляющих собой пучки мелких перьев.

Кроме сцены, подробно изученной Г. Кучером и Г. Диссельхоффом, есть и другие подобные изображения. На одном сосуде (о нем упоминает Кучер³) показан воин-иноплеменник с почти теми же атрибутами, что и на первой росписи (рис. 4). Новым отличительным признаком является несвойственный мочика способ татуировки или раскраски ног. На другом изображении (рис. 5)⁴ к головному убору одного из воинов прикреплены отрубленные руки врага, к локтю того же воина подвешена корзинка. Нижний конец палицы, которую воин держит в левой руке, украшен розеткой (верхний конец палицы на фотографии не виден).

Рис. 4. Воин-иноплеменник первой группы в сцене битвы, сосуд из Моче (по Фурману)

Рис. 5. Битва воинов-иноплеменников первой группы (?) (по Антону)

У его противника на шлеме — шишак необычной для мочика формы, так что, возможно, оба сражающихся — иноплеменники. Мы, однако, относим это изображение к данной группе без полной уверенности, поскольку фотография не позволяет судить о ряде важных деталей.

На третьем сосуде с изображением воина (рис. 6)⁵ следует обратить внимание на шлем с выступами и особой формы шишаком, ушные подвески и, главное, подвешенный к шее щит с головой-трофеем.

Иноплеменники изображены и на росписи с антропоморфным божеством, обращающимся с мольбой к небу (двуглавая змея над его головой символизирует небесный свод, а темные пятна — звезды), рядом с

³ G. Kutscher. Указ. раб., с. 20. Кучер упоминает еще два изображения того же рода, опубликованных в работе: J. C. Tello. *Arte Antiguo Peruano. Álbum fotográfico de las principales especies arqueológicas de cerámica existentes en los museos de Lima. Primera parte: tecnología y morfología.* — «Inca», v. II. Lima, 1938, lám. 41, 42. Это издание отсутствует в библиотеках СССР. Еще одно упомянутое Кучером изображение по всем признакам представляет воина-мочика (R. d'Harcourt, J. Niqué. *La sarbacane, l'élevage des oiseaux et la tête réduite chez les peuples Mochica.* — «Journal de la Société des Américanistes», N. S., t. 26. Paris, 1934, pl. II—I. Необычна лишь прикрепленная к подбородку маленькая голова, скорее не настоящая мумифицированная голова-трофей, а лишь изображение человеческой головы; у сморщившихся в результате мумификации голов волосы и украшения сохраняют прежние естественные размеры, а здесь все детали переданы пропорционально уменьшенными).

⁴ F. Anton. *Alt-Peru und seine Kunst.* Leipzig, 1970, Tf. 134.

⁵ C. Hentze. *Objets rituels, croyances et dieux de la Chine antique et de l'Amérique.* Anvers, 1936, fig. 225.

Рис. 6. Воин-иноплеменник первой группы, сосуд из Чикамы (по Хентце)

у других — корзинки. К головным уборам у двух воинов прикреплены отрубленные руки врагов. Вероятно, на первого в цепочке воинов, а не на замыкающего (как это ошибочно можно себе представить по развертке росписи) бросается собака. Мочика использовали на войне собак⁹, так что, возможно, роспись изображает вражескую вылазку, о которой предупреждает боевой пес. Тогда понятно отсутствие голов-трофеев: битва еще не началась.

Шествие воинов с атрибутами иноплеменников изображено также на двух каменных палетках¹⁰. В руках у воинов палицы с круглыми навершиями, к локтю подвешены сумочки. Правда, нет самого характерного признака — щита для трофеев, поэтому отнести данное изображение к числу тех, на которых показаны иноплеменники, можно лишь предположительно.

В поисках аналогий для изображений иноплеменников на мочикских сосудах исследователи указывают на каменные изваяния в горном райо-

которым сидят люди в длинных одеждах, жующие коку (рис. 7)⁶. У каждого из них в руках палочка и тыквенный сосудик с наркотической смесью. Палица с зубчатым навершием и украшением на рукоятке и щит с крестообразным орнаментом, нарисованные перед одним из сидящих, прикрепленные к головным уборам человеческие руки, ушные подвески являются характерными признаками иноплеменников. Личины с «крылышками» (подвешенные к божеству) — явные эквиваленты щитов с головами-трофеями. Значение их загадочно. Божество и люди хранят сосудики с наркотиком в корзинках, перекинутых через руку. Есть несколько сцен, связанных стилистически и сюжетно с описанной⁷; во всех них антропоморфный мифический персонаж поднимает руки в молитвенном жесте, обращаясь к небу или стоя в горах перед алтарем. Через руку в ряде случаев перекинута корзинка, а к шее привязаны личины с «крылышками».

Еще одна роспись (рис. 8)⁸ изображает шествие воинов, вооруженных дубинами и дротиками. У одних к шее подвешены щиты для трофеев (самих голов на них нет, но и на прочих изображениях головы прикреплены не ко всем щитам),

⁶ G. Kutscher. *Chimu: eine altindianische Hochkultur*. Berlin, 1950, Abb. 26.

⁷ F. Anton. Указ. раб., Tf. 116; H. U. Doering. *Kunst im Reiche der Inca*. Tübingen, 1952, Tf. 172, 173; G. Kutscher. *Chimu...*, Tf. 69 links; *его же*. *Nordperuanische Keramik*, Tf. 75; D. Lavallée. *Les représentations animales dans la céramique mochica*. Paris, 1970, pl. 84b.

⁸ G. Kutscher. *Nordperuanische Keramik*, Tf. 18.

⁹ R. Larco Hoyle. *A cultural sequence...*, pl. 71e.

¹⁰ W. G. Mortimer. *Peru. History of Coca*. N. Y., 1901, p. 81.

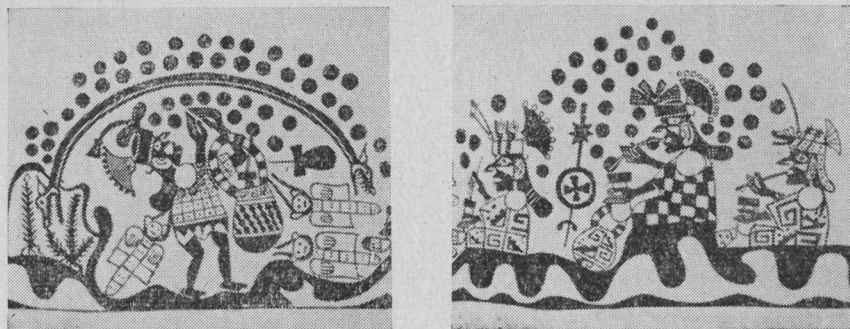

Рис. 7. Мифический персонаж мочика и иноплеменники первой группы, роспись на сосуде (по Кучеру)

не близ Айха, находящемся рядом с бассейном Кальехон-де-Уайлас (верховья р. Санта), но уже по тихоокеанскую сторону водораздела. По-видимому, подобные скульптуры есть и в самом Кальехон-де-Уайлас. Их крупнейшее собрание хранится в музее ближайшего к Айха города Уарас. Среди этих изваяний часто встречаются обнаженные мужские фигуры, некоторые со щитами, палицами и изображениями рук на голове и с подвешенными к шее головами-трофеями¹¹. В одном случае за спиной воина — щит с прикрепленными к нему двумя головами, очень похожий на изображенные вазописцами мочика. Крестообразная орнаментация некоторых щитов и форма палиц (либо просто с утолщением на конце, как на рис. 8, либо с эллипсоидным навершием) дополняют

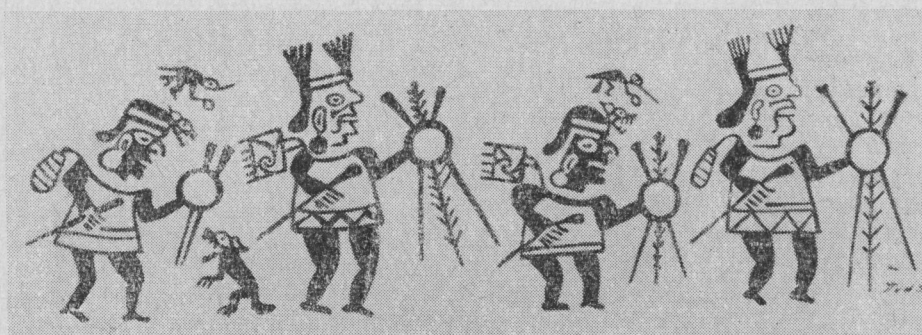

Рис. 8. Воины-иноплеменники первой группы на сосуде из Чимботе (по Кучеру)

сходство. Подобные фигуры воинов представлены и на некоторых керамических сосудах культуры рекуай, распространенной в Кальехон-де-Уайлас и синхронной мочика¹². При этом на сосудах детали изображения переданы с большим реализмом, чем на изваяниях; в частности, не

¹¹ F. Anton. Указ. раб., Tf. 94; W. C. Bennett. The North Highlands of Peru. Excavations in the Callejon de Huaylas and at Chavin de Huantar.— «American Museum of Natural History. Anthropological Papers», v. 39, pt. 1. N. Y., 1944, fig. 33e, pl. 8e—g; J. Espejo Nuñez. Katayok y Molle Ukru.— «Perú Indígena», v. VIII, № 18—19, Lima, 1957, lám. III; R. P. Schaedel. The Callejon de Huaylas of Peru and its Monuments.— «Archaeology», v. 1, № 4, 1948, p. 199, 200; J. C. Tello. Andean civilization.— «Proceedings of the 23-th International Congress of Americanists (New York, 1928)». N. Y., 1930, fig. 15, 16. Небольшая скульптура из района Уарас, изображающая сидящего в скорченной позе обнаженного мужчину, хранится в Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина (колл. I.13A.128). Я признателен С. И. Ходжаш за разрешение рассмотреть коллекцию.

¹² H. D. Disselhoff. Hand- und Kopftrophäen..., fig. 8, 9; J. Espejo Nuñez. Указ. раб., lám. IV; R. Larco Hoyle. Pérou. Genève, 1966, fig. 110.

остается сомнения в том, что люди рекуай действительно прикрепляли к своим головным уборам отрубленные руки врагов, а не лапы животного, как это скорее всего было на некоторых типологически сходных головных уборах мочика. Длинные рубашки иноплемеников на рис. 7 соответствуют длинной одежде жрецов или вождей рекуай, которые в отличие от воинов не изображались обнаженными¹³.

Не все, однако, признаки иноплемеников находят аналогии на сосудах и изваяниях рекуай. Например, нет соответствий изображенным на росписях сложным головным уборам. Сам район Айха-Уарас весьма удален от территории мочика. Раскопки в более близком к мочикским центрам районе Пашаш свидетельствуют о несколько иной (и, надо полагать, более высокой), чем в верховьях Кальехон-де-Уайлас, хотя также вполне «рекуоидной», культуре¹⁴. Поэтому будет осторожнее предположить, что иноплеменики — это какой-то народ, родственник создателям культуры рекуай, живший скорее всего в горах или предгорьях и в своем развитии отставший от мочика. Степень археологической изученности верховий прибрежных долин и районов Кахамарки, Уамачуко и Кальехон-де-Уайлас не позволяет сделать более конкретных заключений. Любопытно, что зубчатые навершия палиц, бедная одежда, предпочтительное употребление ушных подвесок, а не вставок — характерные особенности носителей культуры викус, существовавшей в начале и середине I тысячелетия н. э. в бассейне р. Пьюра¹⁵.

Группа изображений иноплемеников, включающая росписи, отмеченные немецкими исследователями, не исчерпывает данную тему в искусстве мочика. Имеется вторая группа сцен, до сих пор не рассмотренная в литературе. Воины-противники здесь не отличаются от мочика столь резко, сами отличительные признаки в основном другие, чем в первом случае. Наиболее характерна для экипировки воинов этой группы палица, рукоятка которой украшена отдельными крупными перьями (реже — розеткой из мелких перьев), а навершие имеет форму усеченного конуса, слегка вогнутого с боков и состоящего как бы из отдельных долек (рис. 9—11)¹⁶. Материал, из которого сделано навершие, неясен. В ряде случаев на юбочке воинов нехарактерный для мочика орнамент, в ушах подвески в виде «гусиной лапки», на голове необычный для мочика убор. Как и иноплеменики первой группы, они иногда изображены в бою с пращей; по-иному, чем у мочика, татуируют или раскрашивают тело; на одном изображении к локтю сражающегося воина подвешена сумочка. Отрубленные руки, прикрепленные к головному убору, головы-трофеи не встречаются. Иноплеменики второй группы носят такую же одежду, как и воины-мочика (орнаментированные рубашка и юбочка), обычно такой же головной убор, к поясу, по крайней мере в одном случае, прикреплен специфический для мочика трапецевидный предмет («чальчальча»).

¹³ F. Anton. Указ. паб., Tf. 85; H. D. Disselhoff. Alltag im alten Peru. München, 1966. S. 61, 109.

¹⁴ T. Grieder. Pashash: the art of a highland refuge.— «Texas Technical University. Special Publication», № 7. Lubbock, 1974; *его же*. Rotary tools in ancient Peru.— «Archaeology», v. 28, № 3, 1975, p. 178—185. В Пашаш рядом с комплексом монументальных сооружений из обтесанных каменных плит (крупнейшее из них более 15 м высотой) найдено небольшое строение (храм, склеп?) и в нем погребение женщины с богатым инвентарем. Отдельно от самого погребения под полом строения около двери лежали сосуды из глины и полудрагоценного камня, сделанные на гончарном круге и с помощью токарного станка.— уникальный случай в археологии Нового Света.

¹⁵ H. D. Disselhoff. Vicus. Eine neu entdeckte altperuanische Kultur.— «Monumenta americana», B. VII, Berlin, 1971, S. 32, 37, 38, Tf. 47, 48.

¹⁶ F. Anton. Указ. паб., Tf. 99; H. U. Doering. Altperuanische Gefassmalereien. Teil 1.— «Marburger Jahrbuch für Kunstwissenschaft», B. II. Marburg, 1931, Abb. 7; E. Seler. Archaeologische Reise in Süd- und Mittelamerika. 1910/1911.— «Zeitschrift für Ethnologie», B. 44, 1912, Abb. 3.

Рис. 9. Три росписи на сосудах из Моче, изображающие сражения с иноплемменниками второй группы (по Зелеру)

Рис. 10. Воин-иноплеменник второй группы (по Антону)

Отождествить иноплеменников второй группы с создателями той или иной археологической культуры пока не удается. Возможно, что речь должна идти о культуре гальинасо. На протяжении нескольких столетий мочика и гальинасо были соседями и врагами. В первых веках нашей эры обе культуры находились примерно на одном уровне социально-экономического развития. Центром распространения культуры гальинасо была долина Виру. Примерно в IV в. н. э. мочика захватили Виру и подчинили (однако не уничтожили) ее население. Памятники гальинасо (например, знаменитая своим рельефным декором пирамида Ликапа¹⁷) существуют и на основной территории мочика, в Чикаме, где эта культура либо предшествовала мочика, либо сосуществовала с ней некоторое время. Однако относительная бедность и невыразительность иконографических материалов гальинасо, равно как и плохая изученность материальной культуры, не позволяют пока сопоставить соответствующие реалии с изображенными на росписях мочика. В пользу отождествления второй группы иноплеменников с создателями этой культуры свидетельствует лишь негативное соображение: других росписей, где могли бы быть показаны воины-гальинасо, у мочика как будто нет, хотя в период IV мочика, несомненно, вели войны с этим народом.

Допустимы еще два варианта сопоставления второй группы иноплеменников с этносом. Речь может идти опять-таки о каких-то горцах либо

¹⁷ D. Bonavía. Ricchata Quellecani. Pinturas murales prehispánicas. Lima, 1974, fig. 5; R. P. Schaedel. Highlights of Andean archaeology, 1954—1956.—«Archaeology», v. 10, № 2, 1957, fig. 2.

Рис. 11. Битва мочика с иноплеменниками второй группы, роспись на сосуде из Моче (по Дёрингу)

о населении долин Пакасмайо и Ламбайеке, расположенных к северу от долин, подчиненных мочика. В обоих случаях соответствующие археологические культуры нам вообще неизвестны.

Не исключено, что представленная нами картина слишком упрощена, и в пределах двух групп иноплеменников в дальнейшем окажется возможным выделить более мелкие подразделения. Это объяснило бы некоторые различия в наборе немочикских атрибутов на разных росписях, изображающих иноплеменников как первой, так и второй группы.

Выделение групп иноплеменников на изображениях важно не только для прояснения этнической ситуации на севере Перу в I тысячелетии н. э., но и для разгадки сюжетов мифов мочика, ибо, как указывалось, помимо военных, существует ряд мифологических сцен, где признаками иноплеменников наделены люди или божества. Так, на сосуде из частного собрания в Лиме (фото Табио) Лис либо Мышь стоит на коленях перед Совой или Орлом (точно определить, кто именно из зооморфных божеств изображен, по фотографии затруднительно). Сцену обрамляют стоящие палицы с перьями на рукоятке и дольчатыми наконечниками. На одном из вазовых рельефов¹⁸ шлем на голове идущего бога-лиса украшен таким же шишаком, какой встречается на шлемах иноплеменников первой группы. Уже описанная сцена на рис. 7 изображает иноплеменников первой группы рядом с антропоморфным мифологическим персонажем, который выступает у мочика в паре с их главным культурным героем и почитаемым божеством Аи-Апеком, являясь, с одной стороны, его соперником (существуют сцены единоборства между ними), с другой — соратником в борьбе с демонами¹⁹. Наконец, иноплеменники второй группы изображены на стенных росписях в Уака-де-ла-Луна (мочикского центра в долине Моче), иллюстрирующих сцены из мифа о «бунте вещей» (рис. 12)²⁰. Судя по этим изображениям и по многочисленным вазовым росписям на тот же сюжет, центральный эпизод мифа повествует о восстании оживших предметов одежды и вооружения и истреблении ими людей. В действии участвовали почти все персонажи мочикского пантеона. Руководили избиением Женщина²¹ (скорее все-

¹⁸ G. Kutscher. Nordperuanische Keramik, Tf. 77a.

¹⁹ О выделении у мочика двух антропоморфных персонажей мифов см.: Ю. Е. Березкин. Мочика (Перу). Опыт историко-этнографической реконструкции. Автореферат канд. дис. Л., 1975, с. 16, 17; выделение среди иноплеменников на изображениях мочика двух групп в диссертации не проводится (см. автореф., с. 19).

²⁰ D. Bonavía. Указ. раб., рис. 40—44; O. Holstein. Chan-Chan, Capital of the Great Chimú.—«Geographical Review», v. 17, № 1, 1927, fig. 31, 32; A. L. Kroeber. Archaeological explorations in Peru, pt II — The Northern Coast.—«Field Museum of Natural History. Anthropology. Memoires», v. II, № 2, 1930, pl. XV; E. Seler. Указ. раб., с. 132.

²¹ G. Kutscher. Chimú..., Abb. 43. Вероятно, тот же персонаж во главе мифического шествия на стенной росписи из Паньямарки (D. Bonavía. Указ. раб., рис. 32, 34, 39).

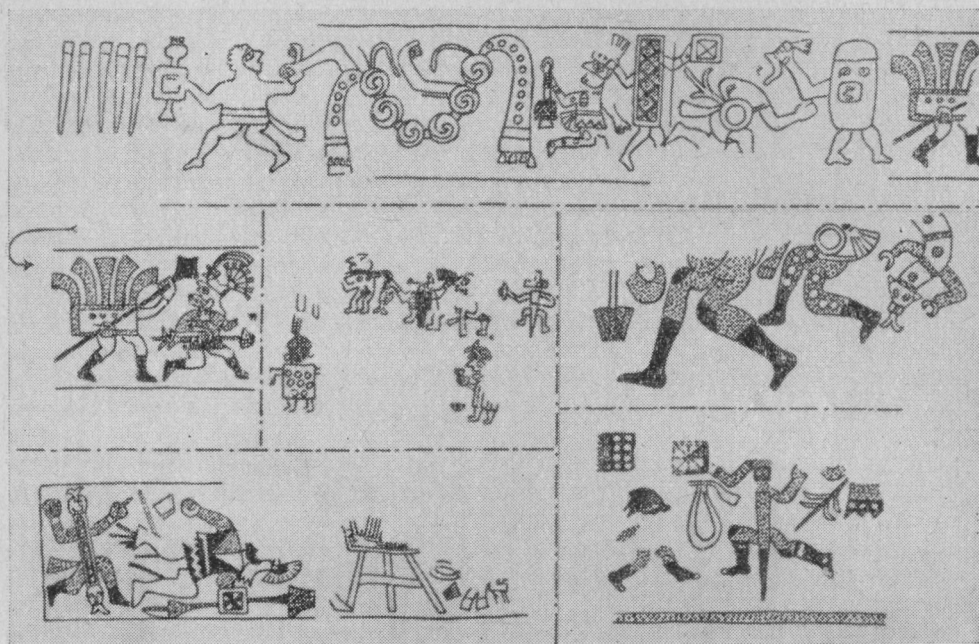

Рис. 12. Стенные росписи в Уака-де-ла-Луна с изображением сцен из мифа о бунте вещей (по Бонавиа, Зелеру, Крёберу, Хольштейну)

го «хтоническая» старуха, «злая колдунья») и бог-сова. Наиболее вероятно, что после эпизода избиения следовали человеческие жертвоприношения, и божества, в том числе Аи-Апек, пили человеческую кровь. Миф завершается восстановлением порядка: верховный бог луны (на росписях от тела его отходят лучи) посылает божества-животных, которые расправляются с ожившими предметами и с «колдуньей»²². Происходит это по просьбе одного из людей, оставшегося в живых, и, вероятно, также антропоморфного персонажа — соперника Аи-Апека, который, единственный из главных мифологических героев, не участвует ни в избиении людей, ни в жертвоприношении. Сцены, где он запечатлен в позе мольбы (в том числе и представленная на рис. 7), могут в таком случае соответствовать эпизоду его заступничества за людей перед верховным божеством.

На росписях в Уака-де-ла-Луна одни из оживших предметов расправляются с пытающимися сопротивляться воинами, другие ведут раздетых и связанных пленников. В руках у людей такие же палицы с дольчатыми наконечниками, а в ушах у некоторых из них такие же подвески в виде «гусиной лапки», как и у иноплеменников второй группы. Однако на двух вазовых росписях, иллюстрирующих миф о бунте вещей, экипировка людей-воинов вполне мочикская²³. На остальных известных нам изображениях подобного рода люди показаны лишь в виде обнаженных пленников, и невозможно судить, как выглядели их оружие и одежда.

Имели ли мифы, иллюстрациями к которым служат отмеченные выше росписи, этногенетический характер, отразились ли в них реальные события — борьба мочика с соседними племенами? На первый взгляд, это кажется наиболее вероятным, тем более, что примеры мифов подобного рода известны в центральноандской области. Они записаны, например, у яюй, в историческое время населявших предгорья к востоку от Лимы.

²² Ю. Е. Березкин. Мифология мочика, с. 184—186.

²³ G. Kutscher. Chimu..., Abb. 43, 70.

Божества яуйо изгоняют или уничтожают жителей нескольких деревень, заливая их дождем, превращая в камни²⁴. Люди, населявшие деревни, названы или просто «юнка», как именовали горцы всех прибрежных жителей, или в одном случае конкретнее «сутка»; после испанского завоевания эта этническая группа была отмечена в долине Гарабайльо (Чильон)²⁵. Известно, что юнка и яуйо действительно были непримиримыми врагами и что (судя по топонимам) первые занимали в прошлом некоторые земли, которыми к приходу испанцев владели горцы. Борьба главного бога яуйо, Париакаки, с демоном Уальяльо Кар'унчо — еще одно отражение в мифе межэтнических столкновений, ибо Уальяльо считался богом юнка²⁶.

Нам кажется, однако, что известные по росписям мочикские мифы, повествующие о людях, наделенных атрибутами иноплеменников, не являются непосредственным отражением военных столкновений мочика со своими реальными врагами. Если в мифах яуйо истребление юнка представляется деянием безусловно благим, то на мочикских росписях действия оживших предметов и «колдуньи» в конечном итоге оцениваются отрицательно: божества наказывают их за расправу над людьми. Вряд ли подобное могло произойти, если бы имелись в виду подлинные исторические противники мочика, будь то люди гальинасо, рекуай или создатели любой другой археологической культуры. Судя по росписям, войны велись с крайней жестокостью, пленников приносили в жертву божествам и ни о каком снисхождении к ним не могло быть и речи. Кроме того, как указывалось, существуют сцены из мифа о «бунте вещей», в которых люди признаками иноплеменников не наделены. Скорее всего, миф о бунте вещей повествовал об уничтожении древнего мифического народа, жившего на земле до того как ее населили современные индейцы, и, следовательно, он служит аналогом мифов о катастрофе, известных едва ли не всем индейским народам Америки.

Чаще всего катастрофа наступает в виде потопа или мирового пожара, но встречаются и другие варианты, в том числе и «бунт вещей», когда ожившие предметы, а также домашние животные нападают на своих хозяев. Этот мотив известен у тех же яуйо и у киче Гватемалы, а кроме того, у чиригуано восточных склонов боливийских Анд, у которых он связан с предрекаемой грядущей катастрофой (во многих индейских мифологиях описываемой аналогично катастрофам, случившимся в прошлом)²⁷. Как заимствование мифа о «бунте вещей» друг от друга, так и его самостоятельное возникновение у всех этих народов мало вероятно. Не исключено, что это древнейший мотив, входивший в набор мифологем, которыми располагали предки латиноамериканских индейцев до их расселения по континенту.

Наделяя представителей древнего этнического субстрата признаками иноплеменников, создатели стенной росписи в Уака-де-ла-Луна, по-видимому, стремились лишь подчеркнуть отличие этих людей от мочика, а не показать их тождество с другим этносом. Использование подобного приема не было обязательно, поэтому в других случаях художники

²⁴ F. de Avila. Dämonen und Zauber im Inkareich, aus dem Khetschua übersetzt und eingeleitet von Dr. Hermann Trimborn. — «Quellen und Forschungen zur Geschichte der Geographie und Völkerkunde». B. IV. Leipzig, 1939, Kap. 6, S. 87, 88, Kap. 12, S. 100, Kap. 26, S. 125, 126.

²⁵ M. Rostworowski de Diez Canseco. Las etnías del valle del Chillón. — «Revista del Museo Nacional», t. 38. Lima, 1972, p. 290.

²⁶ F. de Avila. Указ. раб., Kap. 8, 9, S. 91—94; D. Dávila Brizeño. Descripción y relación de la provincia de los Yauyos toda. Anan Yauyos y Lorin Yauyos, hecha por Diego Dávila Brizeño, corregidor de Guarocheri. — «Relaciones Geográficas de Indias», t. 1. Madrid, 1881, p. 71, 72.

²⁷ «Пополь-Вух», комментарии и перевод Р. В. Кинжалова. М. — Л., 1969, с. 17, 18; F. de Avila. Указ. раб., гл. IV, с. 81, 82; A. Métraux. Ethnography of Chaco. — «Smithsonian Institution, Bureau of American Ethnology, bull. 143. Handbook of South American Indians», v. 1. Washington, 1946, p. 33.

изображали избиваемых предметами людей в обычной одежде и с оружием мочикского типа. Точно так же в сцене на рис. 7 люди, сидящие рядом с божеством, не реальные иноплеменники, а представители мифического этноса. Вероятно, что на всех росписях на сюжет мифа о «бунте вещей» изображены люди из одного народа, хотя на стенной росписи они наделены признаками иноплеменников первой, а на вазовой — второй группы. Можно предположить также, что из пары антропоморфных персонажей один, очевидно старший, являлся покровителем этого древнего народа, другой же, младший, Аи-Апек, был причастен к его истреблению и являлся покровителем современных индейцев. Ведь мочика поклонялись именно ему, считая его, в частности, создателем полезных растений. Культ его соперника отсутствует; на изображениях тот антропоморфный персонаж, который связан с истребленным народом, предстает исключительно как герой мифов и в ритуальных сценах не встречается.

При всех сюжетных отличиях от мочикской мифологии и друг от друга у обоих дошедших до нас с побережья Перу мифов о происхождении людей, культурных растений, нынешних рельефа и климата одна и та же структура²⁸. В них два соперничающих героя, из которых один, старший, связан с древними людьми, другой же, младший, этих людей истребляет, причем подобное действие расценивается нейтрально или даже осуждается. Как и у мочика, один из персонажей в этих поздних мифах — почитаемое божество, другой — только мифологический герой, хотя в одном из мифов (записанном А. Каланчей) это отношение выступает как инверсия по сравнению с мочикской традицией: божеством и создателем культурных растений в нем является старший персонаж, покровитель древнего народа.

Близкие параллели мифам побережья XVI—XVII вв. и реконструируемым нами мочикским мифам содержатся также в современных мифологических текстах, записанных в Кальехон-де-Уайлас, у потомков индейцев уайла, ныне говорящих на кечуа²⁹. В мифе уайла рассказывается, как бог Аданева, создатель древних людей, соблазнил Милосердную Деву, а затем покинул ее. У Девы родился сын, Маньюко, уничтоживший древний народ Аданевы и создавший современных индейцев. Древние люди почитали в качестве главного божества Аданеву, нынешние почитают Маньюко.

Возвращаясь к мифологическим сюжетам мочика, необходимо добавить, что все сказанное выше не исключает возможности какой-то отдаленной связи, существовавшей, согласно мочикским представлениям, между мифическим народом прошлого и иноплеменниками. Мочика могли, например, считать своих врагов потомками нескольких спасшихся от истребления древних людей, свой же род вести от иных предков. Разное происхождение собственного племени и чужаков встречается в мифах южноамериканских индейцев довольно часто³⁰.

Наконец, и в упоминавшихся мифах яуйо сквозь этногенетические предания, отражающие реальные события недавнего прошлого, также проглядывает миф об уничтожении древнего народа — первоначальников мира. Так потоп, смывший деревни юнка, носит в сущности космический характер, ибо потоки воды создают современный рельеф всей окружающей среды.

²⁸ *A de la Calancha*. *Corónica moralizada del orden de San Agustín en el Peru, con sucesos egenplares en esta monarquía*. Barcelona, 1638, lib. II, cap. XIX, p. 412—414; *F. López de Gómara*. *Historia general de las Indias*.— «Biblioteca de autores españoles», t. 22. Madrid, 1852, p. 233.

²⁹ *A. Ortiz Rescaniere*. *De Adanewa a Incarrí (una visión indígena del Perú)*. Lima, 1973, p. 9—17.

³⁰ *W. H. Brett*. *Legends and myths of the aboriginal tribes of British Guiana*. London, 1880, p. 55—74; *H. von Walde-Waldeg*. *Notes on the Indians of the Llanos of Casauare and San Martín*.— «*Primitive Man*», v. 9. London, 1936, p. 40, 41; *J. Wilbert*. *Indios de la región Orinoco* — Ventuari. Caracas, 1963, p. 154—156.